

— Прощу меня извинить, лорд Дэнам, я, пожалуй, отдохну до конца дня.

— О, уже? А я хотел послушать вас побольше.

— Мне очень жаль. Я бы с удовольствием составила вам компанию, но последние несколько дней у меня был форсированный ночной марш, и, честно говоря, я боюсь, что засну на ходу.

— А я даже не подумал о таком. Мы приготовили для вас спальню, я проведу вас к ней.

— Я вам признательна, но перед тем, как отдохнуть, я хотела бы проведать моих раненых солдатах.

Я поклонилась и отказалась от проводов. Я взяла за правило навещать раненых солдат в ночь сражений.

— Это замечательно. Вы именно та святая, какой вас описывают в книгах и пьесах про вас.

— Ну что вы, я просто делаю обход. А такие вещи, как лечение, я оставляю целителям.

Я рассмеялась и опровергла слова виконта Дэнама.

Когда гарнизон Кешью был малочисленным, людей с медицинскими знаниями было мало, и у меня не было другого выбора, кроме как лечить их самой. Такие сцены в пьесах, вероятно, являются результатом слухов тех дней. Однако, с увеличением численности гарнизона Кешью, бои стали более интенсивными, и количество раненых солдат тоже увеличивалось.

Я уже была не в состоянии лечить их своими руками. Да и к тому же это не моя работа — лично заниматься лечением. Моя задача — спасти солдат, не испачкав при этом свои руки, имея под рукой несколько отличных целителей.

— Что ж, виконт Данэм. С вашего позволения.

Я поклонилась, и Ал с Рэем одновременно встали со своих мест.

Всякий раз, когда я выхожу, кто-нибудь из команды Роми всегда сопровождает меня. Я наживаю себе врагов где только можно, поэтому на меня могут совершить покушение.

Я пришла с этими двумя в казарму гарнизона Польшика, где были собраны раненые солдаты.

В казарме, которая была переоборудована под простой лазарет, раненые солдаты лежали на койках и стонали. Мне было душераздирающе смотреть на этих страдающих солдат.

— Г-госпожа Ромелия!

Один из лежавших солдат заметил меня и заставил себя встать. Затем другие солдаты тоже заметили меня и поднялись один за другим.

— Не напрягайтесь. У вас всех всё в порядке с травмами?

Когда я спросила, солдаты улыбнулись, как будто забыли о только что переносимой боли.

Человек с бинтами на животе, пропитанной кровью, поднял руку в знак того, что он цел, а человек с битом на голове улыбнулся и кивнул.

— Вы все хорошо сражались сегодня. Я никогда не забуду вашу храбрость. Это был воистину храбрый бой.

Когда я похвалила солдат, раненые солдаты были рады, счастливы и плакали. Я поговорила с каждым из них, обработала их раны и похвалила их за героический бой.

Когда я держала их за руки и звала их, солдаты радовались со слезами на глазах. Но когда я видела их улыбки, я чувствовала, как моё сердце разрывается.

Перед своими солдатами я веду себя как святая, хотя и отрицаю, чтобы меня называли святой. Я делаю это потому, что, ведя себя как святая по отношению к окружающим, я могу вдохновить их на борьбу и поднять их боевой дух. Я пользуюсь восхищением и доверием солдат.

Меня тошнило от собственного поведения, когда я использовала умы людей для собственного удобства, но пока что я ещё молодцом. Зато дальше меня ждут ещё более мучительные испытания.

Я продвигалась вглубь казармы, обращаясь к раненым солдатам. И чем глубже я заходила, тем менее оживлёнными становились солдаты. Вместо этого низкие стоны боли наполняли землю, как будто они ползли по ней.

Тяжелораненых доставляли в самую глубь.

Подойдя к тяжелораненым, я увидела лежащего среди них солдата в компании с другом. Я подошла к солдату и заглянула ему в лицо.

Лежащий солдат был бледен, потому что потерял слишком много крови, а его дыхание было сбивчивым. Мне было ясно с первого взгляда, что он не сможет выжить. Целители делали всё возможное, чтобы вылечить его, но некоторые жизни спасти невозможно. А то, что этот солдат оставался жив, было чудом.

— Эй, Канаус. Очнись, госпожа Ромелия здесь, очнись!

Находящийся рядом друг окликнул его, но у него уже не осталось сил на то, чтобы реагировать на голос друга.

— Канаус. Канаус. Ты меня слышишь?

Я опустилась на колени рядом с Канаусом и позвала его.

Жертва была уже смертельно ранена. Я и сама сомневалась, что он сможет услышать меня. Но когда я окликнула его, веки Канауса, находившегося без сознания, слегка шевельнулись, и его глаза немного приоткрылись.

— Госпо..... жа. Роме, лия?

Канаус посмотрел на меня и сказал, хотя и слабо.

Это была сцена, которую мне уже не раз доводилось наблюдать.

Когда я звала их, многие из солдат, которые умирали и находились без сознания, приходили в себя.

Это была чудесная сцена, так что неудивительно, что драматурги пишут о ней. Но это не значит, что я обладаю чудо-способностями. Просто они ждали меня. На краю обрыва смерти, они отчаянно цепляясь за жизнь.

— Ты хорошо сражался, Канаус. Я наблюдала за твоей работой.

Я похвалила Канауса.

Разумеется, это была ложь. Невозможно уследить за передвижениями каждого солдата на огромном поле боя. Эти слова были призваны порадовать солдата, находящегося на пороге смерти.

— Ах, а...

Канаус двинул правой рукой. Я сняла перчатку и взяла её в свою руку.

Рука умирающего Канауса была удивительно холодна и бессильна.

Канаус пустил одну слезу, и в следующее мгновение я почувствовала, как рука, которую я сжимала, стала тяжелее и слабее.

Канаус умер прямо на глазах. Как будто моя рука высосала из него жизнь.

— Спи спокойно, Канаус. Отдыхай.

Я позвала мёртвого Канауса, провела рукой по его лицу и закрыла его веки.

<http://tl.rulate.ru/book/69340/2278500>